

DOI: 10.24412/2587-7844-2024-2-23-40

УДК 82-94

ТРИКСТЕРИАДА Г. ЭФРОНА НА МАТЕРИАЛЕ ЕГО ДНЕВНИКОВ 1940–1943 гг.

Е.Е. Приказчикова (Екатеринбург, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматриваются основные черты трикстериады как реализуемого «комплекса трикстера» применительно к «Дневникам» Г. Эфрона – образцу эго-документальной литературы с ярко выраженным личностным началом, что представляет важный жанрообразующий элемент дайаристики.

Целью статьи является анализ трикстериады как проявления «комплекса трикстера» в «Дневниках» Г. Эфрона 1940–1943 гг.

Обзор научной литературы по проблеме. Рассмотрение основных проявлений трикстериады в «Дневниках» Г. Эфрона опирается на базовые работы по философии трикстера, принадлежащие М. Липовецкому, Н.В. Ковтун, Ю.В. Чернявской, У.А. Комиссаровой, Л. Хайду.

Методология исследования. В статье использован опыт структурно-типологического метода, жанрологического и культурно-исторического анализов.

Результаты исследования. В работе проанализированы основные элементы, относящиеся к «комплексу трикстера», применительно к дневниковому жанру XX в., созданному в контексте советской действительности начала 1940-х гг. Это касается как гротескного изображения советской действительности данной эпохи, так и образов героев, представляющих интерес для автора дневника (Ю. Сербинов, Д. Сикорский, Раечка, Д. Сеземан). Особое место в статье уделяется трикстерским стратегиям поведения самого Г. Эфрона (Мура), включающим в себя осознание принципиальной амбивалентности и лиминарности своего образа, наличие опыта медиатора, осуществляющего связь между различными субкультурами и культурными мирами Советской России, реализацию элементов смеховой культуры, ярко выраженную витальность сознания, реализуемую через систему «гастрономических удовольствий», «силу цинизма» (М. Липовецкий) советского трикстера.

Выводы. Наличие в «Дневниках» Г. Эфрона практически всех элементов классической трикстериады не мешает моделированию в них стратегии утопии-эвпсихии, утопии воспитания идеального человека, характерной для личностного начала эго-документальной литературы. Данная литературная стратегия почти целиком искупает циничный аспект поведения героя-трикстера, рисуя образ молодого человека, которому предначертано великое будущее писателя или литературоведа.

Ключевые слова: трикстер, дневники, эго-документы, трикстериада Г. Эфрона, утопия-эвпсихия.

Постановка проблемы. О трикстере и трикстериаде в культуре XX в. сказано достаточно много. «Комплекс трикстера» в периоды коренной ломки общественных отношений, когда общий абсурд бытия, приобретая черты гротеска, является олицетворением хаоса, грозящего разрушить космический миропорядок, приобретает особое значение для литературной культуры в целом.

Чаще всего данный комплекс, включающий в себя общую амбивалентность и лиминарность образа трикстера, опыт медиатора, путешествующего между различными культурными мирами и различными субкультурами, актуализируя при этом топос дороги, связь со стихией смеха и элементами смеховой культуры, неистребимую витальность, выражающую себя в особом пристрастии к «гастрономическим удовольствиям» и готовности идти на многое ради их получения, находит отражение в художественной литературе. В нашей статье мы посмотрим, как трикстериада находит отражение в эго-документах XX столетия, в «Дневниках» сына поэтессы М. Цветаевой Г. Эфрона. Эго-документальная литература как литература «альтернативная» по отношению к литературе художественной освещена в плане проявления трикстерианского начала гораздо хуже. Особенно это касается дневника человека, который, в отличие от К. Чуковского, Ф. Раневской, М. Светлова, никогда не входил в плеяду деятелей культуры, практикующих в качестве стратегии поведения сознательное или бессознательное трикстерство. В воспоминаниях современников, первая подборка которых была осуществлена в книге М. Белкиной «Скрещение судеб» [Белкина, 1988], он чаще всего предстает как предельно серьезный, сдержанный, культурный, несколько надменный и порой циничный юноша, обладающий аристократической красотой и элегантностью. На первый взгляд трудно представить такого героя в одном ряду с трикстерами, генезис которых связан с образами шута, юродивого, плута, пройдохи.

Целью статьи является анализ трикстериады как проявления «комплекса трикстера» в «Дневниках» Г. Эфрона 1940–1943 гг.

Обзор научной литературы по проблеме. Различные аспекты «комплекса трикстера» нашли отражение во многих работах, посвященных феномену трикстериады, как отечественных, так и зарубежных авторов. Так, Ю.В. Чернявская в своем «путешествии в хаос» последовательно рассмотрела через систему тернарных схем функции трикстера как медиатора между хаосом и космосом, нормой и идеалом, культурой как привычкой и культурой как творчеством, миром обыденным и миром чудесным [Чернявская, 2004]. В коллективной монографии «Образ героя современности в прозе рубежа XX–XXI веков» (2022) отмечается, что именно «трикстерский архетип» делает иронию, сарказм, гротеск сюжетообразующими в художественных текстах, не исключая возможности наделять литературного трикстера саморефлексией и трагическим самоощущением [Ковтун, 2022]. Н.В. Ковтун, рассматривая трикстера как героя фронта и размышляя о механизмах выживания в хаосе, обращает особое внимание на трикстеров и трикстар эпохи (пред)постмодернизма, функции трикстера в русской литературе XX–XXI вв., включая образ «голого человека» в актуальной прозе своего времени [Ковтун, 2023]. М. Липовецкий, проанализировав место трикстера в культуре «закрытого» общества, отметил, что именно советский трикстер воплотил в своем поведении «силу цинизма, необходимого для выживания в постоянно меняющихся, непонятных и непрозрачных социальных условиях советского общества» [Липовецкий, 2009, с. 231]. У.А. Комиссарова размышляет об образе трикстера

в модернистской и постмодернистской романной традиции [Комиссарова, 2018]. Л. Хайд в монографии «Трикстеры создали этот мир: зло, миф и искусство», говоря о природе героев-трикстеров, подчеркивает: «...они не аморальны, а неморальны» [Hyde, Lewis, 1998, p. 10]. Упоминание о неморальности трикстеров для нас важно в свете некоторых характеристик Г. Эфрона, сделанных его современниками: «...он был явлением чудовищным. В нем был гипертрофированный эгоизм» [Лосская, 1992, с. 289].

Методология исследования. В статье использован опыт структурно-типологического метода, жанрологического и культурно-исторического анализа.

Результаты исследования. «Дневники» Г. Эфрона представляют собой классический, по Ф. Лежену [Лежен 2004], тип дневника, то есть дневника, предназначенного исключительно для себя, а не для читателей, тем более не для публикации. По словам автора, он ведет их, «чтобы отдавать отчет в существовании самого себя» [Эфрон, 2007, т. 1, с. 457]¹, они «единственно ценное и нужное для меня» [т. 2, с. 306]. Директор РГАЛИ Т. Горяева в послесловии к дневникам под названием «Автопортрет на фоне одиночества» отмечала, что дневники Мура «носят характер мучительно-напряженного даже не чтения, а проживания текста <...> Читателя словно засасывает в повествование, изо дня в день становящееся более “черным”» [Горяева, 2007, с. 337].

Подобный взгляд на «Дневники» представляется нам чересчур односторонним, это взгляд через призму елабужской трагедии Марины Цветаевой, трагической судьбы самого Мура, которому не довелось встретить свое 20-летие. Он погиб 7 июля 1944 г. на 1-м Белорусском фронте под Витебском и был похоронен близ деревни Друйка.

Если посмотреть на текст непредвзято, то можно увидеть в нем многие черты советской трикстериады 1930-х гг. В первую очередь это касается окружающего героя советского мира, в который он, сын агента НКВД С.Я. Эфрона, даже после ареста отца и сестры, по крайней мере, до весны 1941 г., пытается искренне вписаться, стать настоящим советским человеком. В кинематографе СССР, в живописи соцреализма это мир, расцвеченный красными стягами, лозунгами и транспарантами, наполненный маршевой музыкой и бравурными песнями братьев Покрасс, где чеканят шаг первомайские колонны трудящихся, а до торжества коммунистических идеалов во всем мире буквально рукой подать. В принципе, изображение черт этого мира в духе сталинского ампира можно встретить и в дневниках Мура (описание Первомаев, Дня молодежи), но гораздо чаще окружающий мир приобретает черты гротеска, утрированного и намеренно заостренного изображения негативных аспектов советской действительности. Это неудивительно, если вспомнить, что Георгий был талантливым художником-карикатуристом, для живописного стиля которого был характерен гротеск, который советские художники-карикатуристы называли «кривлянием».

¹ Далее цитаты из «Дневников» Г. Эфрона даются по этому изданию с обозначением тома и страницы.

Абсурдность советской жизни неизменно ассоциируется у автора дневника с неким хаосом, принимающим облик «вечно кристаллизуемой и вновь распадающейся жижи» [т. 1, с. 125], «кашицы, жижицы, путаницы» [т. 1, с. 129]. Символом этой общей «жижицы» становится у Мура знаменитый для советской действительности «квартирный вопрос», история 5-месячного поиска комнаты в Москве для съема, заставившая столкнуться с профессиональными мошенниками и аферистами вроде «спекулянтки-сволочи» Майзель-Фелицы, похитившей у Цветаевой в общей сложности 1000 рублей за якобы сдаваемую на 8 месяцев комнату. При этом в решении «квартирного вопроса» не помогли даже самые отчаянные меры, вроде телеграммы Сталину: «Помогите мне, я в отчаянном положении. Писательница Марина Цветаева» [т. 1, с. 180]. Именно при описании квартирных эпизодов Г. Эфрон начинает использовать лексику Остапа Бендера и впервые упоминает его имя: «Заседание продолжается, как говорил Остап Бендер» [т. 1, с. 161], хотя саму книгу «12 стульев» он, по его признанию, полностью прочитает только в поезде, идущем в Ташкент в 1941 г. Любимые выражения великого комбинатора, например «лед тронулся», он будет использовать и в других случаях при столкновении с аллогизмами советской действительности, когда «опять не кристаллизирующаяся жижа, опять моллюск и холодный пудинг» [т. 1, с. 167].

Еще одним, безусловно, «трикстерским» эпизодом дневника является история получения Муром «молоткастого» советского паспорта, осложненная тем обстоятельством, что у Г. Эфрона не было свидетельства о рождении, что с точки зрения советской бюрократии, да и не только советской, означало, что он вообще не родился и как бы не живет. Чтобы доказать свое действительное существование в этом мире, Муру пришлось не раз совершать походы в Мосгорпаспотдел, писать автобиографию, брать справку из школы, выписку из домовой книги и т.д. В конце концов, Мура отправили к врачу, который подтвердил его действительное существование и его возраст.

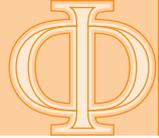
Каждодневная трикстериада советского бытия 1930 – начала 1940-х гг. была связана и с исключительной трудностью покупки билетов на поезд. Этот момент акцентируется не только в дневнике Г. Эфрона. В «Дневнике советского школьника» Л. Федотова, больше известного под названием «Дневник пророка», принадлежавшего к советской элите и ставшего одним из героев романа Ю. Трифонова «Дом на набережной», тоже упоминается дефицит билетов на поезд [Федотов, 2015]. Чтобы провести каникулы в Ленинграде, билеты в Москве надо было приобретать за несколько месяцев вперед, и это было сопряжено с огромными трудностями. Однако Л. Федотов, хотя и принадлежал как сын известных революционеров к советской элите, относится к этим железнодорожным реалиям совершенно спокойно и с полным пониманием. Другое дело Мур. В своих «Ташкентских зарисовках» он подробнейшим образом и с соответствующими комментариями рассказывает о перипетиях приобретения билетов в Ташкенте 1943 г. для эвакуации в Москву. Ему не помогает ни помощь Наркомпроса, ни полученная в конце концов «бронь» на билет, ни обращение за помощью к «жуку»-посреднику

с говорящей фамилией Бендерский, который за 500 рублей соглашается попробовать достать билет. Почему так происходит? Мур объясняет, что официально через кассы продаются 2–3 билета, все остальные распространяются по блату и по спекулятивным ценам, при этом в приоритете оказываются командировочные. Сталкиваясь с подобными «изнаночными» проявлениями советской жизни, Мур достаточно часто использует в дневнике обценную лексику.

Например, в дневнике есть упоминание, как Мур одолжил своему приятелю Д. Сеземану словарь босячко-блатного французского языка [т. 1, с. 246]. Г. Эфрон упоминает и цитирует в дневнике строку из известной блатной песни Л. Утесова «Гоп со смыком», впервые прозвучавшей в кинофильме «Карьера Спирьки Шпандыря» (1926). Эту песню Мур мог слышать на концертах утесовского джаза, которые посещал в 1940 г.

Помимо «изнаночной» действительности советского мира, в дневниках Г. Эфрона обращают на себя внимание образы героев, представляющие для него особый интерес в плане общения. Абсолютное большинство этих героев имеют ярко выраженную трикстерианскую составляющую, не являясь образцами пламенных комсомольцев, строителей нового мира. К подобным героям можно отнести одноклассника Мура по московской школе № 326 и неформального лидера класса Юрия Сербинова с его помешанностью на женщинах, на концепции пресловутого «стакана воды». Первое, что попросил сделать Юрий Мура, когда тот появился в классе, оценить качество парижских публичных домов. В дневнике Мур называет его «мистером», удивляясь, как «мог вырасти в советских условиях этот юноша с совершенно извращенной психологией» [т. 1, с. 259]. Еще одним вариантом личности, имеющей потенциал трикстера, оказывается Димка Сикорский, с которым Мур знакомится на пароходе во время эвакуации в Елабугу. В дневнике Сикорский характеризуется как «очень современный, умный, сильный, он умеет говорить, и он остроумный <...> он оригинален и настоящий европеец» [т. 1, с. 504]. Однако такая положительная характеристика не мешает Муру уже на следующей странице сделать замечание: «Эти люди, то есть Сикорские, видимо, пройдохи, и они хорошо устроятся» [т. 1, с. 505]. В самом деле, после приезда в Елабугу Сикорские быстро найдут комнату, Дмитрий устроится завклубом, начнет весело проводить время с местными девушками, удостоившись от Мура таких характеристик, как «дегенерат», «идиот», «гибрид», то есть «модель человека, отошедшего от коммунизма, не пришедшего к капитализму и остановившегося на полдороге» [т. 1, с. 528].

Олицетворением образа женского трикстера – трикстары выступает в дневниках Мура таинственная Рая, которую Мур встречает в Ташкенте, дает ей уроки французского языка, и из которой «вышла бы прекрасная парижанка» [т. 2, с. 292] – высший комплимент в устах Г. Эфрона. Общаться с ней, ходить с ней в кино становится для Мура жизненно важной необходимостью, ради чего он готов попирать «законы собственного достоинства» [т. 2, с. 297], «унижаться и пресмыкаться» [т. 2, с. 298]. Правда, скоро он узнает, что очаровательная Рая

ведет двойную жизнь, занимаясь спекуляциями вместе с одесситами: они скупают в кишлаках продукты и реализуют их в Ташкенте по дорогой цене, проворачивают и другие сомнительные операции, стремясь использовать для этой цели и Мура. Например, Рая дает ему письма и «документы», которые он должен увезти в Москву и передать нужным людям.

Наиболее важную роль в становлении Мура как личности в дневнике играет Дмитрий Сеземан, которого, следуя терминологии И. Франка [Франк, 2021], мы бы назвали двойником-антиподом Мура. Он был старше Мура на 3 года, в 15 лет в 1937 г. вместе с матерью Н.Н. Клепининой и отчимом, симпатизировавшим советскому строю, он приехал в СССР, где его родители через три года были арестованы и расстреляны. Сеземаны были соседями Эфронов по даче в Болшеве. Мур подружился с Дмитрием в 1939 г. и до 1941 г., несмотря на ссоры и размолвки, оставался самым близким ему человеком. В 1941 г. Мур писал в дневнике: «Мы с Митей совершенно необыкновенные, мы редкие экземпляры человеческой породы, странные и самобытные <...> У нас было так много общего, интересов, вкусов, что мы не должны терять друг друга из виду» [т. 2, с. 76]. Вместе с Муром Д. Сеземан станет главным героем книги С. Белякова «Парижские мальчики в сталинской Москве» [Беляков, 2021].

На страницах дневника Мура Д. Сеземан чаще всего выступает как неизменный спутник Г. Эфрона в прогулках по светским топосам Москвы (гостиница «Националь», Большой театр, кафе «Москва», кафе «Артистик», кафе «Мороженое» на улице Горького), куда приятели ходят не просто поесть мороженого, выпить кофе со сливками или стакан вина, но, главное, показать себя, свою парижскую одежду, поговорить громко по-французски и на правах «иностранцев» обсудить и осмеять новую советскую аристократию, далекую от подлинной французской элегантности и французского шика. Вместе с образом Сеземана в дневник входит трикстерианская стихия смеха и осмеивания. Мур в дневнике неизменно фиксирует этот аспект: «Пошли в “Националь”. Было очень весело. Мы с ним много посмеялись <...> в общем прекрасно с ним провели время» [т. 1, с. 126–127]; «Мы с Митькой много болтали, смеялись, хорошо поели в “Национале”» [т. 1, с. 181]; «Было холодно; мы жадно ели виноград, купленный в Гастрономе около площади Моссовета, и покатывались со смеху. В общем, здорово веселились» [т. 1, с. 218]. Чаще всего местом наблюдений за публикой у друзей оказывается буфет Концертного зала Большого театра. Мур признается: «Страшно любим глазеть на проходящих и оценивать каждого по достоинствам» [т. 1, с. 227]; «Мне доставляет в концертном зале большое удовольствие разглядывать публику. И Митька тоже обожает этим заниматься. Много интересных типов» [т. 1, с. 235]. 8 июля 1941 г., когда Мур с Митей гуляли по Петровке, разговаривая по-французски и смеясь, их задержал милиционер и попросил предъявить документы, приняв за иностранцев. Хоть все кончилось хорошо и, проверив документы, милиционер «был сконфужен и сам смеялся от смущения» [т. 1, с. 235], стало ясно, что смеховой культуре в дневнике Мура, тесно связанной с игрой в иностранцев, приходит конец.

Именно благодаря Д. Сеземану Мур впервые осознает принципиальную амбивалентность своей жизни, которая четко делится на дневную (школьную) и вечернюю (светскую). 11 сентября 1940 г. он делает в дневнике такую примечательную запись: «У меня двойная жизнь, двойной облик: ученик 8-го “Б” Эфрон Георгий, получающий “пос” (посредственно. – *Е.П.*) по истории, боящийся физкультуры (или что-то вроде этого), с портфелем и среди простых и веселых товарищей, единица среди единиц, часть массы, ничего не имеет общего с хорошо одетым и изящно обутым молодым человеком, сидящим с Митькой в “Национале” и говорящим по-французски о позиции компартии Франции, о предателе Низане, пускающим анекдоты и смотрящим на женщин» [т. 1, с.189].

Однако Д. Сеземан не просто друг, он еще и антипод Мура. «Противоположность» Д. Сеземана Муру выстраивается в дневнике на многих уровнях, начиная от внешности героев и кончая тем, как они видят свое будущее. Сеземан описывается у Мура как юноша «огромного роста, белобрысый и голубоглазый. Вид у него насмешливый. Он очень часто смеется» [т. 1, с. 212]. Он – любимец женщин, и на правах старшего товарища часто хвастается Муру своими любовными победами, истинными и мнимыми, даже «оргиями», которые устраивал его старший брат Алексей и в которых якобы принимал участие и Дмитрий. Мур в этом отношении, безусловно, проигрывает, так как хотя роста он и большого, но «руки, как у девушки» [т. 1, с. 212], а сердце в 2 раза меньше по размеру, чем следовало бы при его росте и весе. Георгий, хотя и страстно мечтает с 15 лет расстаться со своей девственностью, своим «цветочком» (флердоранжем. – *Е.П.*) и много говорит о своем желании найти красивую, чувственную женщину, так и остается до конца дневника, кажется, просвещенным в этом вопросе исключительно в теоретическом плане.

Основной конфликт между двумя друзьями – культурно-исторического плана. Д. Сеземан и в Москве 1940 г. остается «французом», не скрывая от окружающих своей франкофилии. Он не хочет говорить с Муром на русском языке, даже зимой в морозы принципиально не носит шапку, так же как и калоши, все время вспоминает Францию, тоскует по французской культуре кафе образца 1937 г., когда он уехал из Франции, демонстративно кричит по-французски в общественных местах. В отличие от него, Мур именно в 1940 г. пытался максимально встроиться в советскую жизнь, доказывая приятелю, что нельзя «питаться прошлым» [т. 1, с. 221], воспоминаниями о Париже «счастливой эпохи», то есть до эпохи оккупации Франции нацистской Германией. Эта Франция для Мура уже «мертвая Франция» [т. 1, с. 225], которой он противопоставляет СССР, где, по его словам, «началось мое сознательное существование – борьба и настоящая жизнь. А во Франции я жил беззаботно, как-то не задумываясь – как придется» [т. 1, с. 274].

Оба молодых человека пострадали от репрессий, но у Мура в 1940 г. оставалась хотя бы мать, которая активно поддерживала его материально. На эти карманные деньги Георгий не только мог сам вести «светскую» жизнь, но и давать возможность делать это Сеземану, что вызывало недовольство Марины Цветаевой.

В силу этого в дневнике Мура образ Д. Сеземана как двойника-антипода часто наделяется чертами «губителя», стремящегося постоянно использовать Мура в своих интересах, «разводить» его на деньги. Мур обвиняет его в «исключительной алчности», пишет, что в нем есть «препротивные черты – нерешительность, ребячливость, алчность, беспринципность, любовь к лжи» [т. 1, с. 270], он – «практик и ловкач, а прикрывается сентиментализмом» [т. 1, с. 275], «он дерзок и надменен только с теми людьми, которые не могут ему повредить» [т. 1, с. 275], «может предать любого человека в любую минуту, если он видит, что этот человек в опасности и что эта опасность может грозить Митьке» [т. 1, с. 275], «он лицемерен и гнил» [т. 1, с. 277], человек «исключительно недоброкачественный» [т. 1, с. 278]. Все эти характеристики достаточно хорошо рисуют образ классического трикстера как антипода главного героя.

Во многом эти обвинения в адрес Д. Сеземана были несправедливы. Он не пытался из-за алчности раскрутить приятеля на деньги, у него действительно не было денег на развлечения, а у Мура они *еще* были. Когда Мур писал эти жесткие слова, он, конечно же, не предполагал, что не пройдет и полугодия, когда ему, лишившемуся матери, оказавшемуся в Ташкенте, придется осваивать трикстерскую по духу науку выживания. Эта «хитрая наука» заставляла его порой не просто надеяться на чужую помощь и содержание, но даже не останавливаться перед прямым воровством. Во время своего путешествия в Ташкент, готовясь осваивать новые жестокие реалии жизни, он делает запись: «Я мало-помалу учусь лицемерию. Некоторое время назад я хотел быть откровенным; я вижу, что это невозможно; надо изображать дурака, чтобы преуспевать. Митя это очень хорошо понял» [т. 2, с. 82].

Охарактеризуем образ Г. Эфрона, каким он предстает в своих дневниках, через призму трикстерских стратегий.

Первое, что бросается в глаза, активное использование в дневнике цитат-самопрезентаций, которые более бы уместно смотрелись в контексте плутовского романа. Мур говорит об «игре судьбы» [т. 1, с. 477], о том, что его «жизнь ударяет по кумполу» [т. 1, с. 44], в ней у него «серые тучи и перемешенные карты» [т. 1, с. 197], он «человек-вопрос» [т. 1 с. 341], «любимый Heimatlos» (с немец. «бесприютный, бездомный». – *Е.П.*), «деклассированный интеллигент» [т. 1, с. 345]), его биография «гробовая тайна» [т. 1, с. 347], он постоянно находится «между Сциллой и Харибдой» [т. 1, с. 352, 409], «иду по канату, пока не падаю» [т. 2, с. 48], его «планы распадаются, как колода карт» [т. 1, с. 470]. Эвакуация в Елабугу рассматривается им как «татарская антреприза» [т. 1, с. 479], его «мучит необходимость прятать когти перед идиотами» [т. 1, с. 496], отправляясь в Ташкент, «я пустился в авантюру», рассчитывая «на помощь Провидения» [т. 2, с. 82]. Мур считает, что он «по природе бизнесмен» [т. 2, с. 110], поэтому дел у него в Ташкенте будет много дел.

В Ташкенте он ведет «грязную жизнь» [т. 1, с. 275], получая деньги от Литфонда по потере кормильца и скрывая от Союза писателей достаточно щедрую

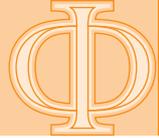
материальную помощь родственников и друзей: «танцую на канате да и только» [т. 2, с. 176]. Автор дневника неизменно «полон любопытства к судьбе, не знает, что его ждет» [т. 2, с. 235]. Тем не менее он признает, что «счастье внезапное, как вспышка магния» [т. 2, с. 253]. Хотя и «попал в общую кашу, важно не захлебнуться и оставаться на поверхности» [т. 2, с. 253], почти гордится в Ташкенте, что у него много долгов, как у Д. Байрона в добром XIX в. или у О. Бальзака. Он характеризует собственное «я» во время «ташкентской авантюры» как «злое и пессимистическое», «без руля и ветрил» [т. 2, с. 231].

Не употребляя слово «трикстер», он в своих дневниках последовательно использует данную стратегию поведения. При чтении дневника Мура бросается в глаза исключительная лиминарность, «пороговость» его существования на грани миров, в которой сам автор прекрасно отдает себе отчет, вновь и вновь пытаюсь понять и, главное, принять себя таким, каков он есть. Основной конфликт заключается между его физической и интеллектуальной зрелостью и фактическим положением подростка, если угодно, «недоросля» («запросы человека 20 лет, возможности 15-летнего» [т. 1, с. 258], который к тому же не вписан ни в одну, культурно-политическую страту.

«Взрослость» Мура как физическая, так и интеллектуальная, «перерос свой возраст и свободно владею мыслью» [т. 1, с. 78], подпитываясь природным остроумием и язвительностью, заграничной одеждой («бежевое пальто», в котором «настолько похож на иностранца, что все таращат глаза» [т. 1, с. 344]) и вальяжным поведением, приводит к тому, что, не являясь безусловным лидером, он неизменно пользуется уважением в классе.

16 октября 1940 г. Мур пишет: «Я произвожу какое угодно впечатление, только не слабого человека, и со мной в школе никто не затевает драки <...> Достиженьице! Меня в классе все уважают. Относятся отлично. Я имею в классе известный авторитет. <...> Тэк-с, товарищи. Гоп со смыком, это буду я-я!» [т. 1, с. 212]. Одноклассники считают его очень занятым человеком и... Дон-Жуаном, его репутация – это «первый остряк, первый ухажер, первый культчеловек и т.п. в классе» [т. 1, с. 347], «красивый, очень умный и культурный молодой человек, прекрасно умеющий разговаривать, вполне остроумный и хорошо одевающийся» [т. 1, с. 354]. «Если бы они подозревали о моей уродливой жизни» [т. 1, с. 354], – с горечью пишет Г. Эфрон.

Говоря о своей «уродливой» жизни, Мур реализовал комплекс «недочеловека», являющийся естественным контрастом к образу «сверхчеловека». Образу «недочеловека» в дневнике соответствуют такие определения себя, как «мясо без гарнира» [т. 1, с. 262], в то время как его школьные друзья в своей тарелке, он «просто без тарелки» [т. 1, с. 262]. Как он ни старается стать советским человеком, его все равно называют «мусье» и «француз» и относятся как к «гибриду из зоопарка» [т. 1, с. 287]. Во многом такое отношение к нему было связано с тем, что в предвоенную эпоху, когда вся молодежь буквально грезилась идеалом физкультурника, состояла в ДОСААФ, обожала спортивные парады,

Мур был абсолютно неспортивным юношей: не умел бегать на лыжах, боялся физкультуры и начальной военной подготовки, не увлекался шахматами, авиацией, не умел танцевать, буквально ненавидел все точные науки, изучению которых в советских школах придавалось особое значение. Все это делало его в определенном смысле «белой вороной» среди одноклассников, несмотря на весь его заграничный лоск и внешнюю зрелость. Именно поэтому Мур, очень любящий А.П. Чехова, смотрит на свой жизненный путь через призму чеховской «Скучной истории», называет себя «неполноценный тип» [т. 1, с. 268] или «неполноценный человек» [т. 1, с. 451].

Не проще складывались отношения Мура и с миром взрослых людей. На одном полюсе этого мира находилась дореволюционная и частично советская интеллигенция, с которой активно общалась в Москве Марина Цветаева, неизменно водя на встречи и вечера своего сына, на другом – мир московских мещан советской закваски, которых Мур как страстный поклонник поэзии В. Маяковского ненавидел и презирал вполне в духе «агитатора, горлана-главаря». В общении с интеллигенцией Мур называет себя «чужеродным телом» [т. 1, с. 309], признаваясь, что не может «ходить в гости как “сын Марины Ивановны”» [т. 1, с. 305], его привлекает лишь среда, где он будет сам Георгий Сергеевич, а не «сын Цветаевой» [т. 1, с. 305]. Что касается советских мещан, то они чаще всего являются соседями Мура по коммунальной квартире и всем своим видом и поведением опровергают идеал настоящего советского человека, у которого «должен быть размах, увлечения, идеалы» [т. 1, с. 213]. Мещане, как «шкуристы», лишь «куксятся, варят кашу жиденькую, шушукаются и кривляются» [т. 1, с. 213]. Воплощением «зоологического мещанства» в дневнике Мура становится семья инженера А.И. Воронцова, жена которого часто устраивает «коммунальные» разборки с Мариной Цветаевой, называя ее «нахалкой», обвиняя ее в том, что они с Муром «навели тараканов в дом» [т. 1, с. 265], развели грязь в кухне, грозят им домоуправлением. Мур признается, что во время этих «кухонных трагедий» выступает в роли посредника, «умиротворителя», решая как можно больше времени сидеть дома, чтобы «в случае чего, попытаться потушить пожар» [т. 1, с. 266].

Неистребимая витальность трикстера в случае с дневником Г. Эфрона проявляет себя в особом пристрастии сына Марины Цветаевой к «гастрономическим удовольствиям» [т. 2, с. 65]. Мур очень любил вкусную еду, умел ценить «сытный обед» [т. 1, с. 212], о чем честно признавался в своем дневнике еще довоенного периода: «Я люблю поесть» [т. 1, с. 176]; «Есть, есть, есть. Да здравствуют котлеты с маслом!» [т. 1, с. 181]; «Да здравствует хорошая еда» [т. 1, с. 191].

Мур действительно ел больше, чем большинство его сверстников. Современные исследователи часто называют в качестве причины его постоянного голода ювенильный диабет. Мур объяснял в дневнике свой «сверхъестественный» [т. 2, с. 155] аппетит тем, что он «все еще растет или малокровие» [т. 2, с. 171]. Эта особенность его организма превратилась в функционально значимый для нашей темы аспект с той минуты, когда, потеряв мать, Мур, по сути дела, оказался

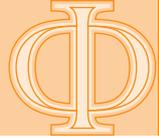
предоставленным самому себе. В эвакуации в Ташкенте ему пришлось, по сути, выживать самостоятельно, хотя, безусловно, материальную помощь он получал и от Литфонда по потере кормильца как несовершеннолетний, 300 р. ежемесячно ему посылал Муля (Самуил) Гуревич, от 200 до 1000 рублей – Л.Я. Эфрон, его тетка по отцу. Даже Ариадна Эфрон, находясь в лагерях, ухитрялась посылать ему из своих скудной зарплаты заключенной то 100, то 200 рублей. Где-то до лета 1942 г. материальную помощь Муру оказывала Анна Ахматова. Дневник Мура свидетельствует о том, что никакого *постоянного* голода, как об этом часто пишут исследователи его жизни (Сергей Беляков [Беляков, 2021], Мария Белкина [Белкина, 1988]), он не испытывал. Поэтому будет в высшей степени не корректно сравнивать «Дневник» Мура, например, с блокадным дневником Ю. Рябинкина, который часто называют самым страшным документом блокадного Ленинграда [Рябинкин, 2015]. Голод, который испытывал Юра, мечтающий о кусочке блокадного хлеба, ни в какое сравнение не идет с «желудочной лихорадкой» Мура, для которого в качестве прелестей, «которые... так пленяют», выступают «булочки и бублики – вот объекты моей мечты и всех моих чаяний» [т. 2, с. 232].

Оказавшись предоставленным самому себе, он развивает невероятную «продовольственную активность» [т. 2, с. 248], которую характеризует в дневнике как «танец на канате», сопряженный как с успехами, так и с неудачами. Так, тратя непомерно большие деньги на лепешки, которые ему приносят на дом, Мур «профершипиллся» [т. 2, с. 191], надеясь получить большие деньги от соседки за потерянную карточку автора дневника, он «оказался облапошен по всем фронтам» [т. 2, с. 218], зато, принимая помощь от Такташа, сына «наркомши»², он «на жилу попал» – я «молодец, что мне повезло» [т. 2, с. 225].

При этом Г. Эфрон уверяет, что, поступая так, он поступает, как все: «раз уж все кругом заняты снабжением, то и я в долгу оставаться не могу и вынужден подражать другим» [т. 2, с. 217]. Надо только пояснить, что под «всеми» Мур имеет в виду людей особого склада: это или имеющая большие деньги писательская аристократия, вроде семьи А.Н. Толстого, неизменно приглашающая Мура на свои «раблезианские» обеды, или же люди типа Раечки, занимающиеся продуктовыми спекуляциями. Желая не отстать от «других», автор дневника изо дня в день ведет свои «игры», занимаясь полузаконной, а то и вовсе незаконной деятельностью и фиксируя все это в личном дневнике.

Мур с величайшим удовольствием описывает в дневнике все гастрономические искушения Ташкента, ситуация с продовольствием в котором, конечно, не идет ни в какое сравнение с тем, что происходило в военной Москве. У автора дневника складывается вполне эстетическое отношение к еде, при характеристике которой он использует слова «гениально», «шикарно», «роскошно». Например, «обедал гениально» [т. 2, с. 150], «но как гениально питался в эти дни» [т. 2, с. 155], «гениально утром есть лепешку с конфетами, запивая молоком» [т. 2, с. 183].

² В данном случае речь идет о Рафаэле Такташе, сыне татарского поэта Хади Хайруллоевича Такташа, умершего в 1931 г.

Поэтому стоило Муру получить деньги, даже очень значительные суммы до 1000 рублей, они сразу же, буквально за несколько дней тратились на любимую Муром вкусную еду. У него складывается своя философия пищевого поведения по принципу «все или ничего», отрицающая благоразумие и расчет: «...я живу сегодняшним днем и сыт хочу быть сегодня до отвалу, а не помаленьку каждый день» [т. 2, с. 193], «...я плюю на здравый смысл, экономию и благоразумие» [т. 2, с. 227], «я спешу пользоваться жизнью, как только могу, едой так едой!» [т. 2, с. 196].

Чтобы обеспечить себе такую жизнь, Мур в прямом смысле приходилось «крутиться». Почти каждый день он ходил на рынок, продавая то карточки, то не очень нужные ему продукты, чтобы купить любимые лепешки или бублики, залезал в долги, с трудом их потом отдавая и скрываясь от узбекских молочников по утрам в парке, где и делал уроки. С 1943 г. спекулянтов и продавцов карточек начинает ловить на базаре милиция. Однажды ловят и Мура, «забрал поганец-милиционер» [т. 2, с. 230], но ему удается отделаться словесным внушением. Тем не менее он снова и снова отправляется на это опасное предприятие, фиксируя в дневнике: «Придется изворачиваться, продавать хлеб» [т. 2, с. 206], «бегал по снабжению» [т. 2, с. 208], нужно делать «оборот с продуктов» [т. 2, с. 274].

В круг его знакомых входили всевозможные «спекулянтишки», с которыми Мур старался себя вести достаточно твердо. Например, в дневнике он обещает «свернуть шею» [т. 2, с. 153] спекулянтишке, если тот придет не в условленное время, а позднее. Обедая в столовой Литфонда, он одновременно получал талоны на обеды в столовой Наркомпроса и талоны в столовую для детей эвакуированных. Разумеется, обед 17–18-летнего крепкого юноши вместе с 8–10-летними детьми зачастую производил впечатление, схожее со знаменитым эпизодом из «12 стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, где фигурируют многочисленные племянники «голубого воришки» Альхена. Мур пишет, как однажды «меня одна озлобленная баба там обозвала “буйволом”! (Я пытался получить из-под нее стул) “На фронт надо”, – и т.д. Я раньше всех получил обед, сидел на стуле и ел из тарелки, и это ее приводило в бешенство» [т. 2, с. 240].

К трикстерской стратегии Мура можно отнести его обеды в доме мэтра советской литературы А.Н. Толстого, на которые его неизменно приглашала П.Д. Крестинская (в дневниках П.Д. – *Е.П.*), теща писателя и мать его третьей супруги Л.И. Толстой, светской дамы, с которой Мур мог вести разговоры на французском языке. Мур признается в дневнике, что сознательно подводил ее в разговоре по телефону к тому, чтобы она пригласила его на очередной «гениальный» обед, подробности которого он с удовольствием описывал в дневнике вместе с изысканным меню. Единственное, что смущает Мура в подобных обедах, то, что «дома можно сосредоточиться на еде и получить от нее истинное наслаждение, а в гостях надо разговаривать и быть хоть чуточку чинным» [т. 2, с. 175]. Примечательно, что, характеризуя собственное «Я» во время «ташкентской авантюры», Мур признается, что ест «с удовольствием лишь то, что достается даром или почти даром: а то, за что плачу, кажется невкусным. Вот Вам и психология» [т. 2, с. 231].

В дневнике Мура описывается один случай воровства, который автор дневника называет «рискованным шагом», своеобразной трикстерской шалостью в надежде на безнаказанность, учитывая характер пострадавшей. Искусствовед А.Г. Усова, жена поэта и переводчика Д.С. Усова, работала в библиотеке филологического факультета Средне-Азиатского государственного университета и была давней поклонницей поэзии М. Цветаевой. В дневнике Мур рассказывает о том, как украл у Усовой часы-браслет, проведя перед этим у нее 2 часа в разговорах о литературе. Разумеется, Мур понимал, что она обнаружит пропажу, но надеялся на то, что она, во-первых, никак не подумает на сына Марины Цветаевой: «Как, сын Марины Цветаевой, и он был такой милый и сердечный и даже обещал приходить теперь часто... Такой культурный, так все хорошо понимает... Нет, не может быть, чтобы это был он» [т. 2, с. 264]. Во-вторых, по расчетам Мура, даже если она и поймет, что часы взял он, дело никогда не дойдет до милиции, сам же Мур будет полностью отрицать этот факт, так как она его не видела и не сможет это доказать. Муру было даже любопытно, когда он ее увидит, «какой у нее будет вид и что она скажет» [т. 2, с. 264]. Символично, что в ночь после воровства Мур читает «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского. Утром он продает часы за 800 рублей, успев тут же на базаре истратить на булочку, пирожок и кусочек коврижки 40 рублей, за 5 рублей почистил ботинки. Однако вернувшись домой, он обнаружил у себя в комнате письмо А. Усовой, которое не оставляло сомнений в серьезности ее намерений. Реакцию Мура можно предугадать: «У меня аж дух захватило. Долго я не раздумывал. Карта моя была бита, и бита крепко, и я мигом решил возратить деньги» [т. 2, с. 265]. В дневнике он делает важный для себя вывод: «Крах моей антрепризы символичен: это крах всей моей жизненной животнo-эгоистической политики» [т. 2, с. 265].

Как и любого трикстера, Мура можно охарактеризовать как «человека дороги», хотя непосредственно «дорожных» инцидентов в его дневнике зафиксировано не так много. Один из ярких эпизодов подобного рода – сцена в вагоне подмосковной электрички, когда Мур «хлестал водку с пьянчугой и ел его бекон» [т. 1, с. 473]. Единственные места, где он мог жить сколько-нибудь продолжительное время, были Париж и Москва, во всех других местах он неизменно чувствовал свою абсолютную чужеродность, награждая их самыми презрительными характеристиками. Так, в Елабуге «улицы уродливы, дома уродливы, люди еще хуже» [т. 1, с. 530]. В деревне под Москвой, где Мур некоторое время живет на даче у писателя А. Кочеткова, господствует «сонный демон скуки» [т. 1, с. 456]. Ташкент Мур характеризует как «царство дисгармонии» [т. 1, с. 142], болото, из которого нужно как можно быстрее вырваться: «...перемена нужна, там (в Москве. – Е.П.) будет видно какое-то движение, здесь же моя судьба в вонючем застое» [т. 2, с. 219]. Собираясь из Ташкента в Москву, он пишет: «Там будет труднее жить, но достойнее. Не пристало мне шляться по базарам и продавать какие-то селедки; а живя здесь, этого не минуешь. Быть может, оставаясь в Ташкенте, я не буду взят в армию, но работать здесь нельзя, негде, а в Москве Толстые подсобят с работой, и с армией, быть может» [т. 2, с. 319–320].

Еще одной трикстерской установкой дневника Г. Эфрона является «сила цинизма» [Липовецкий, 2009] советского трикстера. Хотя Мура нельзя назвать в полной мере советским человеком, он совершенно искренно в течение нескольких лет увлекался коммунистической идеей, верил в идеал советского человека. Поэтому тем горше было для него разочарование, когда он столкнулся в первые месяцы войны с совершенно не идеальным и не коммунистическим поведением большей части советской творческой интеллигенции, что вызвало у него ряд гневных инвектив в духе «перебранки Локи»: «Русский интеллигент не блещет своей смелостью, он скорее неважнец» [т. 1, с. 467] или «Попомню я русскую интеллигенцию, едри ее в дышло! Более неорганизованных, пугливых, несурзных, бегающих людей нигде и никогда не видал» [т. 1, с. 475]. К критическим размышлениям о советской интеллигенции Мур возвращается и в Ташкенте, отмечая, что она «удивительна своей неустойчивостью, способностью к панике, животному страху перед действительностью» [т. 2, с. 137].

Впрочем, желание хорошо устроиться самому заставляет Мура в дневнике достаточно цинично высказываться о пользе и необходимости блата в системе советских отношений, чтобы избежать мобилизации и получить хорошую работу: «Без людей, без их протекции не проживешь, – и это особенно в такие тяжелые (в материально-бытовом отношении) времена, как теперь» [т. 2, с. 234].

Автор дневника принципиально оказывается не готов к «грязной» работе в колхозе, учебе в ФЗУ, строительству оборонительных укреплений под Москвой или строительству электростанций под Ташкентом. Все эти виды деятельности созданы «для здоровых людей, а не для интеллигентов в моем стиле» [т. 2, с. 189]. Справедливости ради надо отметить, что Мур по своей природе не был трусом. В первые месяцы войны он честно дежурил на крыше своего дома в ожидании вражеского налета и зажигательных бомб, не испытывая, по его словам, никакого страха.

Фиксируя свою реакцию на все попытки включить его в трудовую жизнь, он нередко использует ненормативную лексику и говорит о необходимости «проявить хитрость и действовать так, чтобы меня не мобилизовали, чтобы не быть мобилизованным никуда <...> Надо быть хитрым и предусмотрительным: а я – ни то, ни другое. Надо будет таким стать» [т. 2, с. 42]. В данном случае перед нами предстает стратегия трикстерства поневоле для достижения столь любимого Муром идеала «обеспеченного индивидуализма», неразрывно связанного с проявлениями цинизма, желанием жить, невзирая на и вопреки всему: «Жить, пережить надо, а потом насрать им всем на голову» [т. 2, с. 229]; «На торжественность и одноклассников мне насрать, а вот поесть и попить необходимо» [т. 2, с. 286]. Он даже выводит для себя циничную по духу формулу здравого смысла: «Унижаться и пресмыкаться можно лишь до известных пределов – и не впусую» [т. 2, с. 298].

Выводы. Несмотря на наличие в «Дневниках» Г. Эфрона практически всех элементов классической трикстериады, жанровая природа текста с ее установкой на личность как важнейшее структурообразующее начало дайаристики дает

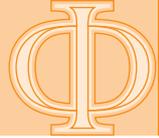
возможность обнаружить в произведении важный аспект, выступающий в роли мотиватора авторского поведения и почти целиком искупающего циничную стратегию поведения героя трикстера. Речь идет о моделировании в «Дневниках» философии утопии-евпсихии, утопии воспитания человека, которому предначертано великое будущее и которому пока мешают его реализовать различные обстоятельства: юный возраст, отсутствие собственной большой светлой комнаты для занятий литературой, материальная зависимость от матери, тяготы военного времени. Во многом именно мечты о великом будущем помогают Г. Эфрону более или менее гармонично существовать в XX в., веке «разложения» [т. 1, с. 470], когда книгой, наиболее точно отражающей мироощущение людей, по мнению Мура, является «Тошнота» Ж.-П. Сартра. При желании можно даже найти точки соприкосновения между сознанием автора дневника и сознанием Антуана Рокантена, начиная от идеи абсурдности мира, характеризуемого как «сумбур, бред, кошмар из кошмаров» [т. 2, с. 31], до страстного желания написать книгу, роман, за который Мур берется 8 июня 1943 г., где должна была быть отражена история семей Цветаевых-Эфрон.

В «Дневниках» Мур снова и снова провозглашает веру в свою удачу и надежду на лучшее будущее, когда «я не буду ни от кого зависеть, когда не надо будет каждую минуту все бросать, я буду путешествовать, у меня будет своя просторная и чистая комната» [т. 1, с. 442]. Со временем эти мечты приобретают более конкретные очертания, он понимает, что хочет быть знаменитым писателем или «полезным переводчиком и литературоведом» [т. 2, с. 276].

Постепенно у Мура складывается четкий план дальнейшей жизни. 27 мая 1943 г. он написал в дневнике: «Что бы я хотел: выдержать экзамены, получить аттестат, уехать в Москву и поступить там в МГУ или... в какой-нибудь Вуз литературный или иностранных языков. Может – найти работу, скажем, в Радиокomitee; работать в ГЦБИЛ над французской литературой, работать серьезно (читать, сравнивать, делать выписки; цель – написание “Истории современной французской литературы”, охватывающей период между войнами 1914–1918 и 1939 гг. Этот путь – культурный, литературоведческий, писательский, переводческий – мой единственный путь» [т. 2, с. 241]. К сожалению, этим мечтам не суждено было сбыться.

Библиографический список

1. Белкина М.И. Скрещение судеб. М.: Книга, 1988. 464 с.
2. Беляков С.С. Парижские мальчики в сталинской Москве: документальный роман. М.: Изд-во АСТ, 2021. С. 568.
3. Горяева Т. Автопортрет на фоне одиночества // Эфрон Г.С. Дневники: в 2 т. / подготов. текста, предисл., примеч. Е. Коркиной, В. Лосской. М.: Вагриус, 2007. Т. 2. 1941–1943 гг. С. 330–341.
4. Ковтун Н.В. Образ героя современности в прозе рубежа XX–XXI веков: монография / отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: Флинта, 2022. 260 с.

5. Ковтун Н.В. Трикстер как герой фронта, или о Механизме выживания в хаосе // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2023. Т. 22, № 9. С. 120–133.
6. Комиссарова У.А. Образ трикстера в модернистской и постмодернистской романной традиции (М.А. Булгаков, Борис Акунин): автореф. канд. филол. наук. М., 2018. 22 с.
7. Лежен Ф. В защиту автобиографии. Эссе разных лет // Иностранная литература, 2004. № 4. С. 108–122.
8. Липовецкий М. Трикстер и «закрытое общество» // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 224–245.
9. Лосская В. Марина Цветаева в жизни. Неизданные воспоминания современников. М.: Культура и традиции, 1992. 348 с.
10. Рябинкин Ю. Дневник // Детская книга войны. Дневники 1941–1945. М.: Аргументы и факты, «АиФ. Доброе сердце», 2015. С. 35–64.
11. Федотов Л.Ф. Дневник советского школьника: мемуары пророка из 9 «А». М.: АСТ, 2015. 350 с.
12. Франк И. Прыжок через быка. Опыт фантастического расследования. М.: Издательский дом ВКН, 2021. 406 с.
13. Чернявская Ю.В. Трикстер, или Путешествие в хаос // Человек. 2004. № 3. С. 37–52.
14. Эфрон Г.С. Дневники: в 2 т. / подготов. текста, предисл., примеч. Е. Коркиной, В. Лосской. М.: Вагриус, 2007. Т. 1. 1940–1941 гг. 560 с.
15. Эфрон Г.С. Дневники: в 2 т. / подготов. текста, предисл., примеч. Е. Коркиной, В. Лосской. М.: Вагриус, 2007. Т. 2. 1941–1943 гг. 368 с.
16. Hyde Lewis. Trickster Makes This World: Mischief, Myth, and Art. N.Y.: North Point Press, 1998. 403 p.

Сведения об авторе

Приказчикова Елена Евгеньевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург); ORCID: 0000-0001-9018-6213; e-mail: miegata-logos@yandex.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2024-2-23-40

TRICKSTER STORIES BY G. EFRON BASED ON HIS DIARIES OF 1940–1943

E.E. Prikazchikova (Yekaterinburg, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article examines the main features of the trickster stories as a realizable ‘trickster complex’ in relation to G. Efron’s *Diaries* – an example of ego-documentary literature with a pronounced personal beginning, which represents an important genre-forming element of diaristics.

The purpose of the article is to analyze the trickster stories as a manifestation of the ‘trickster complex’ in G.S. Efron’s *Diaries* of 1940–1943.

Review of scientific literature on the problem. Consideration of the main manifestations of the trickster stories in G. Efron’s *Diaries* is based on the main works of the trickster philosophy, belonging to M. Lipovetsky, N.V. Kovtun, Yu.V. Chernyavskaya, U.A. Komissarova, and L. Khaid.

Methodology (materials and methods). The article uses the experience of the structural-typological method, genealogical and cultural-historical analyses.

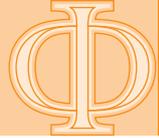
Research results. The paper analyzes the main elements related to the ‘trickster complex’ in relation to the diary genre of the 20th century, created in the context of Soviet reality in the early 1940s. This applies to both the grotesque image of Soviet reality in that era, and the images of heroes presenting interest to the author of the diary (Yu. Serbinov, D. Sikorsky, Raechka, and D. Seseman). A special place in the article is given to the trickster strategies of behavior by G. Efron (Moore) himself, which includes awareness of the fundamental ambivalence and liminality of his image, the experience of a mediator who communicates between various subcultures and cultural worlds of Soviet Russia, implementing the elements of laughter culture, pronounced vitality consciousness, realized through the system of ‘gastronomic pleasures’, ‘the power of cynicism’ (M. Lipovetsky) of the Soviet trickster.

Conclusions. The presence in G. Efron’s *Diaries* of almost all the elements of the classical trickster stories does not interfere with the modeling of the strategy of utopia-eupychia in them, the utopia of educating an ideal person, which is characteristic for the personal beginning of ego-documentary literature. This literary strategy almost completely redeems the cynical aspect of the behavior of the trickster hero, depicting the image of a young man who is destined for a great future as a writer or literary critic.

Keywords: *trickster, diaries, 1940–1943, ego-documents, G. Efron’s trickster stories, utopia-eupychia.*

References

1. Belkina M.I. Crossing of destinies. Moscow: Kniga, 1988. 464 p.
2. Belyakov S.S. Parisian boys in Stalinist Moscow: a documentary novel. Moscow: Izdatel'stvo AST, 2022. 568 p.
3. Chernyavskaya Yu.V. Trickster, or Journey into Chaos // Man. 2004. No. 3. P. 37–52.
4. Efron G.S. Diaries: in 2 vol. / ready Text, preface, notes. E. Korkina, V. Losskaya. Moscow: Vagrius, 2007. Vol. 1. 1940–1941. 560 p.

5. Efron G.S. Diaries: in 2 volumes / ready Text, preface, notes. E. Korkina, V. Losskaya. Moscow: Vagrius, 2007. Vol. 2. 1941–1943. 368 p.
6. Fedotov L.F. Diary of a Soviet schoolchild: memoirs of a prophet from 9 “A”. Moscow: AST, 2015. 350 p.
7. Frank I. Jump over the bull. A fantastic investigation experience. Moscow: Izdatel'skiy dom VKN, 2021. 406 p.
8. Goryaeva T. Self-portrait against the background of loneliness // Efron G.S. Diaries: in 2 volumes / Georgy Efron; ready Text, preface, notes. E. Korkina, V. Losskaya. Moscow: Vagrius, 2007. Vol. 2. 1941–1943. P. 330–341.
9. Kovtun N.V. Trickster as a hero of the frontier, or about the Mechanism of Survival in Chaos // Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, philology. 2023. Vol. 22, No. 9. P. 120–133.
10. Kovtun N.V. The image of a modern hero in prose at the turn of the 20th–21st centuries / Rep. ed. N.V. Kovtun. Moscow: Flinta, 2022. 260 p.
11. Komissarova U.A. The image of the trickster in the modernist and postmodern novel tradition (M.A. Bulgakov, Boris Akunin). Author's abstract. Ph.D. Philol. n. Moscow, 2018. 22 p.
12. Lejeune F. In Defense of Autobiography. Essays from different years // Foreign literature. 2004. No. 4. P. 108–122.
13. Lipovetsky M. Trickster and “closed society” // New literary review. 2009. No. 100. P. 224–245.
14. Losskaya V. Marina Tsvetaeva in life. Unpublished memoirs of contemporaries. Moscow: Kul'tura i traditsii, 1992. 348 p.
15. Ryabinkin Yu. Diary // Children's book of war. Diaries 1941–1945. Moscow: Argumenty i fakty, “AiF. Dobroye serdtse”, 2015. P. 35–64.
16. Hyde Lewis. Trickster Makes This World: Mischief, Myth, and Art. New York: North Point Press, 1998. 403 p.

About the author

Prikazchikova, Elena Evgenievna – DSc (Philology), Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); ORCID: 0000-0001-9018-6213; e-mail: miegata-logos@yandex.ru